

Развлечения ради Кон Цзяцзы принялся изучать карту — то приближал её, то отдалял. Он заметил множество тусклых жёлтых точек, раскиданных по схеме Запретного города. Каждая обозначала скрытое побочное задание, но при попытке открыть их система выдавала однообразное уведомление: «Локация не исследована, активация невозможна».

Задания встречались самые нелепые. Одно из них, к примеру, предлагало глубокой ночью чистить ночные горшки.

«Ну и кому сдалась подобная глупость?» — подумал Кон Цзяцзы.

С другой стороны, за большинство квестов давали бесплатные попытки призыва карт. При мысли об этой механике у юноши до сих пор фантомно щемило в груди — прошлые неудачи оставили глубокий след. Он решил, что при первой возможности закроет все доступные задания.

«Не может же мне постоянно везти как утопленнику», — упрямо подбодрил он себя.

После завершения первого сюжетного квеста в меню появился раздел «Шкала расположения», но поначалу функция была заблокирована. Да и жёлтые точки на карте всплыли не сразу. Кон Цзяцзы решил попробовать запустить систему благосклонности заново.

[Система: Шкала расположения успешно разблокирована. Желаете включить постоянные уведомления об изменении уровня благосклонности?]

Кон Цзяцзы выбрал «Да».

[Система: Настройки изменены. Шкала расположения может быть привязана ещё к одной цели для отслеживания чужих эмоций. Доступные кандидаты:]

[- Наставник-эльф 311]

[- Тринадцатый принц Му Юаньюн]

Перемены не заставили себя ждать. Кон Цзяцзы, не раздумывая ни секунды, выбрал Му Юаньюна. Теперь он сможет за милю чувствовать, кто дышит к принцу добром, а кто замышляет неладное.

Подобные тонкости Наставник-эльф 311 разъяснил ему ещё в самом начале, так что лишних вопросов задавать не пришлось.

[Система: Привязка завершена.]

[Система: Шкала расположения будет отображать эмоции окружающих по отношению к игроку или его связанному союзнику в реальном времени с помощью числовых индикаторов. Для просмотра подробной статистики введите имя конкретного персонажа в строке поиска.]

Движимый чистым любопытством, Кон Цзяцзы принялся тыкать во все вкладки подряд. Дойдя до ручного поиска, он ввёл имя принца.

[Система: Тринадцатый принц Му Юаньюн выбран в качестве связанного союзника. Точное отображение его чувств к вам временно недоступно.]

Ладно, не больно-то и хотелось.

В этот момент Наставник-эльф 311 сонно приоткрыл глаза.

— М-м-м? Что стряслось?

Кон Цзяцзы ввёл в строку поиска другое имя.

[Система: Текущий уровень расположения Наставника-эльфа 311 к игроку: -10 пунктов (умеренная неприязнь).]

311 онемел. Он всего лишь прилёг вздремнуть на полчаса, а его уже препарировали без наркоза. Атмосфера в комнате мгновенно сделалась натянутой.

Кон Цзяцзы, впрочем, и бровью не повёл.

— Пишет, что ты ко мне враждебно настроен.

311 поспешно выудил из инвентаря пирожное, сунул его в рот и невнятно пискнул.

— Да я и сам это чувствовал, — спокойно продолжил юноша. — В самом начале ты был в таком отчаянии. Не хотел иметь со мной ничего общего, но выбора у тебя не оставалось. Мы ведь в одной лодке: если пропаду я, то и тебе несдобровать. Только поэтому ты тогда и спас мою шкуру. Но в глубине души я для тебя всё равно чужой, верно?

Проглотив пирожное, 311 тихо произнёс:

— Кон Цзяцзы, я ведь рассказывал тебе о мире, откуда я родом.

Тот молча кивнул. Ему вспомнилась та бесконечная заснеженная ночь, завывание ветра за окном и странное ощущение нереальности, когда он слушал фантастические рассказы

наставника, больше похожие на бред сумасшедшего.

— Мне тяжело здесь, — признался 311. Голос его звучал глухо, с трудом. — Я не могу стать частью этого мира. Не могу принять здешних людей, их дикие порядки, их образ мыслей... Между нами пролегает пропасть, которую ничем не заполнить.

Кон Цзяцзы долго молчал.

«Ты мог бы отказаться от этого задания... Но если тянуть с обучением, эта чертова система наверняка повесила бы всех собак на меня. Меня забросило сюда бог весть как, я даже не знаю, вернусь ли когда-нибудь домой. Конечно, я боюсь смерти. Я эгоист...» — пронеслось в мыслях у наставника.

Пауза слишком затянулась. 311 решил наконец вынырнуть из глубин своей меланхолии, но, повернувшись к собеседнику, обнаружил, что Кон Цзяцзы уже сладко спит, уткнувшись носом в подушку.

311 вздохнул.

— Спокойной ночи.

В конце концов, он был ещё совсем ребёнком.

Следующее утро принесло ворох свежих сплетен. Оказалось, Восьмой принц, желая искупить вину перед отцом, всю ночь при свечах строчил покаянное письмо. Усердие вышло боком — к рассвету он слёг с сильнейшей простудой. Его матушка, Драгоценная наложница Вэй, чуть свет примчалась в императорские покои и устроила там настоящую драму со слезами и стенаниями. В итоге высочайший гнев сменился на милость: домашний арест с Восьмого принца срочно сняли.

Тут же подлил масла в огонь Девятый принц. Он явился к императору с доносом: мол, никакое это не покаянное письмо, а обычная домашняя работа, которую Младший наставник Ван вчера задал абсолютно всем. Почему же остальные здоровы, а Восьмой принц внезапно рассыпался на части?

Пока в Императорской школе другие принцы ждали новостей, виновники переполоха на занятия так и не явились. Оба остались во дворце — выяснять отношения перед лицом родителя.

Младший наставник Ван пребывал в скверном расположении духа. С сухим видом он объявил, что Девятый принц тоже занемог и уроки сегодня пропустит.

К обеду слухи подтвердились. Евнухи шушукались, что придворные лекари несколько раз бегали то к одному принцу, то к другому. Вердикт оказался на удивление единообразным: оба высочайших отпрыска подхватили тяжёлый грипп. Младший наставник Ван со своим мрачным пророчеством оказался точен.

В конце концов император сорвался на крик, велел обоим сидеть в своих покоях и лечиться. Про арест больше не вспоминали, сроки возвращения к учёбе тоже не назначили, ограничившись дежурными поучениями о братской любви и сыновней почтительности, которые все уже знали наизусть.

Представление вышло на славу.

По дороге из школы 311, лишённый всякого пиетета перед монаршей властью, делился мыслями вслух:

— Ну и правитель у вас. С собственными сыновьями нянчится, как наседка, лишний раз пальцем тронуть боится. Зато когда дело касается слуг или министров — головы летят без малейших сомнений. Холодная жестокость.

Кон Цзяцзы в душе был полностью согласен с его выводами, но ввевшиеся за годы жизни в империи привычки заставляли его держать язык за зубами. Он лишь молча шёл вперёд, делая вид, будто его это не касается.

Однако в глубине души зашевелились мрачные тени. Вспомнилась трагедия его собственного клана Кон — когда-то они были влиятельными родственниками императорской семьи, купались в роскоши, но один неверный шаг — и весь род вырезали под корень. Вот она, истинная суть государевой милости. Рядом с драконом всегда ходишь по краю бездны.

Впрочем, Кон Цзяцзы никогда не знал настоящей аристократической жизни, а потому быстро тряхнул головой, отгоняя тяжёлые мысли. Куда интереснее было подначивать Тринадцатого принца лишний раз заглянуть за декоративные скалы в саду — вдруг удастся подслушать очередную грязную тайну?

Кроме того, он продолжал выполнять мелкие системные поручения, потихоньку копя бесплатные попытки призыва карт, хотя тратить их пока не решался.

Время летело незаметно. С приходом весны дворец преобразился, начались приготовления к пышному празднеству.

Кон Цзяцзы сбросил тяжёлые зимние одежды, сменив их на лёгкий, свободный наряд.

В день торжественного банкета в честь высших сановников империи даже обычно суровый император смягчился и благосклонно улыбался гостям. По обе стороны от него суетились

наложницы из разных дворцов. Тринадцатого принца, как водится, усадили на самое невзрачное место в самом дальнем углу зала. Кон Цзяцзы, сохраняя безупречную осанку слуги, стоял рядом с ним, то и дело склоняя голову. Под тихий шёпот Наставника-эльфа 311 он умудрялся незаметно для окружающих смахивать со стола изысканные яства прямиком в свой системный инвентарь.

311 блаженно вздохнул в его разуме:

«Вот бы такие пиры устраивали каждый день...»

Му Юаньюн сидел неподвижно, глядя на это фальшивое праздничное великолепие. В его глазах отражался блеск золотых кубков. Он знал: это последний раз, когда его венценосный отец может искренне улыбаться. Впереди империю ждали тёмные времена.

<http://bllate.org/book/18226/1759020>